

© 2008 г. В. С. ПАНФИЛОВ

СЛОВО В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (прототипический подход)

Один из ключевых вопросов в определении китайского слова – его отграничение от словосочетания. Взяв за основу последовательность, словесный статус которой не вызывает сомнений, можно установить признаки «сто процентного» слова. Отсутствие одного или нескольких из этих признаков ведет к понижению словесного статуса последовательности, причем мера словесного статуса поддается количественной оценке.

Первое дело разумной критики относительно какого-нибудь заблуждения – определить ту истину, которую оно держится и которую оно извращает.

В.С. Соловьев. Идея сверхчеловека

Как знаковая система, язык обладает определенным набором существующих в готовом виде единиц, традиционно именуемых словами, различные сочетания которых используются для целей языковой коммуникации. Слово под этим углом зрения предстает как заданная (воспроизводимая) единица коммуникативно значимых построений – предложений – или (при ином направлении анализа) как конечный результат коммуникативно релевантного деления предложения. Сегментация предложения, продолженная до субсловесного уровня, ведет к утрате предложением его коммуникативно значимых составляющих. Так, китайский пример *Wǒ zài dàxué xué xí* «Я учусь в институте», представленный в морфемной записи, имел бы вид: я – находиться – большой – учиться – учиться – повторять.

Для номинативной единицы – слова – фактор воспроизводимости должен в идеале преобладать над фактором членимости, тогда как для коммуникативной единицы – предложения – соотношение этих двух факторов должно быть прямо противоположным. Из этого следует, что «идеальное слово» не должно обладать строением, изоморфным его внешним связям, или, что то же самое, его внутреннее устройство не должно допускать описания в терминах межсловных (синтаксических) связей [Féng Shènglì 2001: 27]. Когда фактор членимости слова перевешивает фактор его воспроизводимости, слово, подобно словосочетанию или предложению, как бы создается у нас на глазах [Норман 1994: 209].

В основе традиционных представлений о слове лежит некоторая психологическая реальность [Алпатов 1982: 71]. Эту реальность не в состоянии подорвать самые головоломные переходные случаи [Сепир 1993: 50], более того, именно в подобных случаях, когда формально-операциональные приемы оказываются бессильны, приходится, как к последнему авторитету, обращаться к языковому чутью исследователя [Яхонтов 1982: 25].

Интуитивная ясность слова и трудность его описательного определения заставляет лишний раз вспомнить замечание религиозного мыслителя Г.К. Честертона о том, что многие наши затруднения возникают в силу привычки ставить знак равенства между понятиями «неопределимый» и «неясный». «Вещь, которую нельзя определить, есть вещь первичная, первичный факт: наши руки и ноги, наши горшки и сковородки – вот что не-

определимо» (цит. по [Фейнберг 1995: 41]). Не относится ли слово к разряду первичных языковых фактов?

Рассматривая вопрос о слове, Ван Ли пишет, что нет никакой возможности обосновать л о г и ч е с к и, почему *lamp light* это два слова, а *sunlight* – одно, почему *sea rout* два слова, а *seashore* – одно [Wáng Lì 1955: 55]. Соглашаясь с мнением Ван Ли, мы неизбежно приходим к выводу, что искомое обоснование лежит где-то в н е л о г и ч е с к о й с ф е р ы. Наблюдения китайских лингвистов позволяют продвинуться немного вперед в общем взгляде на проблему. Так, Чжэн Линьси замечает, что когда последовательность *yā dàn* «утиное яйцо» причисляют к слову, а *jī dàn* «куриное яйцо» – к словосочетанию, это вызывает протест. Не объясняется ли протест частой встречаемостью последовательности *jī dàn* «куриное яйцо»? Ведь если бы кто-нибудь сказал, что последовательность *xīniǎo dàn* «яйцо птицы-носорога» есть словосочетание, это вряд ли вызвало бы возражения [Zhèng Línxī 1959: 426]. Следовательно, частая встречаемость, привычность некоторой последовательности есть фактор, как минимум, способствующий ее восприятию в качестве в о с п р о и з в о д и м о й единицы.

Один из китайских авторов задается вопросом, как разграничить примеры *dàchē* «арба» (большой + повозка) и *dà shù* «большое дерево»? Ответ состоит в следующем. Если *dà chē* входит в один ряд с *xiǎo chē* «маленькая повозка» (*nàli yǒu xǔduo chē*, *yǒu dà chē*, *yǒu xiǎo chē* «там много повозок, есть большие повозки, есть маленькие повозки»), то грамматически это то же самое явление, что и *dà shù* «большое дерево», т.е. словосочетание. Если же *dà chē* означает «тяжелая повозка на двух колесах, влекаемая животным», то это слово «арба» [Wáng Zōngyán 1981: 323]. Аналогично решается вопрос применительно к примерам *yáng ròu* «мясо барана / баранина» [Jī Mìyún 1981: 360], *tiánguā* «сладкая бахчевая культура / дыня» [Guō Liángfú 1988: 447]. Ср. также замечание, что *bù yào* в значении «не хотеть» это два слова, а в значении «нельзя» – одно [Li, Thompson 1989: 458]. Следовательно, лексическое значение – важнейший фактор, обеспечивающий словесный статус последовательности. В рассмотренных примерах каждое слово отличается от словосочетания, составленного из тех же самых компонентов, некоторым дополнительным (аддитивным) значением, а каждое из словосочетаний семантически соответствует не значению, но лишь внутренней форме (мотивировке) соотносительного с ним слова. Так, «большая повозка» – это внутренняя форма слова *dàchē* «арба».

Изложенные выше соображения подводят к выводу, что основная трудность грамматической теории китайского слова – четкое его отграничение от словосочетания. Слова китайского языка образуют постепенный переход от случаев их полной несопоставимости со словосочетанием к случаям, когда разграничение слова и словосочетания представляет определенные трудности. Основной фактор, обуславливающий данное положение вещей, – китайское словообразование, ведущая роль в котором принадлежит словосложению «в чистом виде», без помощи внутрисловных словообразовательных элементов. Например, слово *huǒ* «огонь» в соединении со словом *chē* «повозка» дает слово *huǒchē* «поезд», внутренняя форма которого («огненная повозка») сопоставима с семантикой атрибутивных словосочетаний.

Словосочетание есть соединение двух (в минимальном варианте) з н а м е н а т е л ь н ы х с л о в, между которыми устанавливается определенный тип синтаксической связи. Кроме того (формальный аспект) каждый из компонентов словосочетания, в принципе, сохраняет способность к оформлению (служебным словом), определению или распространению (неслужебным словом), опущению (в ясном контексте). Абстрактно рассуждая, возможно семантическое, формальное и формально-семантическое сопоставление слова со словосочетанием.

Рассмотрим признаки и технические приемы, используемые в китаистике для определения слова и отграничения его от словосочетания, а также попытаемся уточнить лингвистический смысл и область применения каждого из них.

Словарность – способность последовательности быть словарным словом, т.е. единицей, значение которой делает необходимым ее учет в словаре [Яхонтов 1963: 166]. Словарным словом может оказаться единица меньше (*анти-*, *гидро-*) или больше (*летучая мышь*) грамматического слова [Там же], однако сейчас словарность рассматривается нами как один из признаков, обеспечивающих идентификацию единицы в качестве слова.

Если немного изменить формулировку рассматриваемого признака, понимая под ним сам факт наличия слова в словаре, то словарность оказывается градуальной в зависимости от того резона, которым определяется помещение единицы в словарь.

Минимальная словарность (в числовом выражении 1/3). Значение последовательности естественно вытекает из суммы значений составляющих, однако узус (частая встречаемость последовательности) способствует ее восприятию в качестве воспроизводимой единицы: *jīdàn* «куриное яйцо» (курица + яйцо), а также примеры Ван Ли – *seashore, sunlight*.

Средняя словарность (2/3). Сумма значений составляющих соответствует не значению, но внутренней форме последовательности: *dàchē* «арба» (большой + повозка). До известных пределов внутренняя форма подсказывает значение слова, которое иногда может быть получено, минуя словарь.

Максимальная словарность (1). Значение последовательности невозможно получить, минуя словарь. Таковы все однослоги, а среди многослогов – сочетания асемантических сегментов, разного рода опрощения, когда значение составляющих «не просматривается» (*xīshēng* «жертвовать»), последовательности, в которых значение составляющих, в связи с сильно продвинутой идиоматизацией, ничего не дает для понимания целого: *dōngxī* «вещь» (восток + запад).

Изотипная замена – это формально-семантическая процедура, которая должна интерпретироваться как тест на идиоматичность. Невозможность изотипной замены есть формальный признак идиоматичности.

Во избежание частых недоразумений, связанных с изотипной заменой, сформулируем правила этой процедуры: 1) каждый из компонентов должен заменяться компонентом, относящимся к тому же ассоциативному ряду; 2) при замене должно сохраняться исходное семантическое отношение между компонентами; 3) возможность замены должна распространяться на все члены соответствующего ассоциативного ряда.

Один из китайских авторов, рассматривая пример *láixìn* «входящее письмо», замечает, что данная последовательность интуитивно воспринимается как слово, но допускает изотипную замену составляющих, из чего делается вывод, что процедура изотипной замены сомнительна как критерий слова [Lù Jiǎnmíng 1988: 366]. В качестве примеров изотипной замены компонентов слова *láixìn* «входящее письмо» (приходить + письмо) приводятся, с одной стороны, *láidiàn* «входящая телеграмма» (приходить + телеграмма), *láirén* «посыльный» (приходить + человек), *láibīn* «посетитель» (приходить + гость), с другой стороны – *huíxìn* «ответное письмо» (отвечать + письмо), *fùxìn* «ответное письмо» (отвечать + письмо), *hèxìn* «поздравительное письмо» (поздравлять + письмо).

Относительно первого ряда следует заметить, что компоненты *rén* «человек» и *bīn* «гость» не входят в один ассоциативный ряд со словом *xìn* «письмо». Во втором ряду компоненты *fù* «отвечать» и *hè* «поздравлять» не входят в один ассоциативный ряд со словом *lái* «приходить». Один ассоциативный ряд со словом *lái* «приходить» составляют слова *qù* «уходить», *dào* «приходить», *wǎng* «направляться в», ни одно из которых не может быть использовано для замены компонента *lái* «приходить» в рассматриваемом примере. При анализе примера *láixìn* «входящее письмо» не соблюдены сформулированные выше правила (1) и (3). Учет этих правил приводит к трактовке данного примера как не допускающего изотипной замены, что хорошо согласуется с его интуитивным восприятием как слова.

Рассмотрим более корректную критику изотипной замены. Последовательность *tuó góng* «верблюжья шерсть» допускает изотипную замену *tuó máo* «верблюжий волос», *tuó ròu* «верблюжье мясо», *yā góng* «утиное оперение», *jī góng* «куриное оперение», из чего

ошибочно было бы заключить, что в исходном комплексе представлены два слова [Zhōu Yǒuguang 1959: 311]. Если согласиться с тем, что «шерсть – волос – мясо» входят в один ассоциативный ряд по признаку «неотчуждаемая принадлежность», а «верблюд – утка – курица» – по признаку «домашнее животное», то вышеприведенную замену можно признать корректной. Примеры такого рода свидетельствуют об одном: невозможностью изотипной замены не исчерпывается идентификация последовательности в качестве слова. Невозможность изотипной замены означает, что мы имеем дело с несвободной (воспроизводимой) единицей, но не выявляет однозначно грамматический статус этой единицы, поскольку такую замену не допускают не только компоненты слов, но и компоненты устойчивых словосочетаний (*железная дорога, летучая мышь*). Невозможность изотипной замены, подобно идиоматичности, является лишь одним из признаков слова.

Развертывание в словосочетание – это формально-семантическая процедура, которая, как считается, позволяет установить грамматический статус исследуемой последовательности, в частности, возможность развертывания свидетельствует о том, что исходная последовательность есть словосочетание, однако такой подход, строго говоря, содержит внутреннее противоречие: если исходный объект тем или иным способом преобразуется в словосочетание, то тем самым имплицитно утверждается, что данный объект словосочетанием как раз не является. Семантический аспект подобных преобразований не эксплицируется достаточно строго, хотя и подразумевается семантическая идентичность исходной и результирующей конструкций. Некоторые авторы в связи с этим задаются вопросом, следуют ли какие-нибудь выводы относительно грамматического статуса исходной конструкции в случае несовпадения ее внутренних связей со связями результирующей последовательности [Шутова 1994: 67]. Некорректность такой постановки вопроса очевидна. Между содержательным и формальным аспектами нет однозначного соответствия. Одна и та же семантика допускает выражение как в слове, так и в словосочетании: Běidà → Běijīng dàxué «Пекинский университет». Одна и та же форма может использоваться для выражения различной семантики, предопределяющей различный грамматический статус соответствующих единиц: dàchē «большая повозка / арба». Поэтому применительно к каждому типу преобразования должны оговариваться не только его семантические условия, но и его, так сказать, сущностный резон – что именно устанавливается с помощью данного преобразования. В частности, развертывание в словосочетание, независимо от соотношения семантических связей двух последовательностей, не дает никаких оснований для выводов о грамматическом статусе исходной конструкции.

Под развертыванием в словосочетание мы понимаем истолкование значения исходной единицы с помощью словосочетания, в состав которого входят составляющие этой единицы. Процедура развертывания может использоваться только для оценки семантической близости некоторой последовательности к словосочетанию. Принципиальная невозможность развертывания означает, что исходная последовательность в полной мере обладает семантическим признаком слова. Намечаются три степени семантической близости слова к словосочетанию.

Минимальная семантическая близость (в числовом выражении $1/3$) – развертывание допустимо только вне контекста, а словосочетание соответствует не значению слова, но лишь его внутренней форме (мотивировке). Этот переход от значения к внутренней форме едва заметен в примерах типа yángmáo «овечья шерсть» → yángde máo «шерсть овцы», yánggòu «баранина» → yángde ròu «мясо барана», но вполне ощутим в примерах dànmén «главный вход» → dàde mén «большие ворота», láigēn «посыльный» → láide rén «пришедший человек».

Относительно примеров типа yángmáo «овечья шерсть» – yángde máo «шерсть овцы» в китайских работах говорится, что значение исходной последовательности «соответствует» (xiāngdāng yú), хотя и «не равно» (bùshì děng yú) значению результирующей, см. напр. [Wáng Zōngyán 1981: 325]. Отечественные авторы утверждают, что вставка служебного слова de меняет отношение («семантическую реляцию») между составляющими

ми исходного комплекса [Семенас 1992: 200], хотя характер изменения остается не вполне ясным.

В лексикологической терминологии мы имеем здесь дело, как уже отмечалось, с переходом от значения слова к его внутренней форме, в терминах синтаксической семантики – с заменой признакового (характеризующего) прочтения первого компонента на предметное, в семиотической терминологии – с переходом от сигнификата к денотату (референту). Заметим, кстати, что последовательность *yángde máo* «шерсть овцы» звучит неестественно. Вполне естественным было бы, к примеру, *zhèzhī yángde máo* «шерсть этой овцы», поскольку наличием детерминатива в полной мере обеспечивается референтный статус первого именного компонента.

Средняя семантическая близость (2/3) – развертывание допустимо только вне контекста, а словосочетание является толкованием значения соответствующего слова (примеры из [Hú Fù, Wén Liàn 1954: 5]):

nǐǎoqiāng «дробовик» → *dǎ niǎode qiāng* «ружье для отстрела птиц»;
bùxié «парусиновая обувь» → *yòngbù zuòde xié* «обувь, сделанная из материи»;
xiùebái «белоснежный» → *xiàngxuě yúyàngde bái* «как снег белый»;
guāfēn «расчленение» → *gú guāzhī fēn* «подобное разрыву разделение».

Максимальная семантическая близость (1) – слово в любом контексте может быть развернуто в словосочетание при полном сохранении исходного значения. В данном случае одна и та же семантика существует в различных грамматических воплощениях, что характерно для последовательностей, связанных отношением компрессии / распространения: *Běidá* → *Běijīng dàxué* «Пекинский университет», *tǔgǎi* → *tǔdì gǎigé* «земельная реформа», *wénjiào* → *wénhuà jiàoyu* «культурное образование», *kejì* → *kexué jìshù* «наука и техника».

Возможность разъединения – это формально-семантическая процедура, предназначенная для оценки ф о р м а л ь н о й близости исходной последовательности к словосочетанию. Техническая сторона процедуры состоит в том, что между компонентами исходной последовательности помещаются слова, служебные или знаменательные, которые соответственно оформляют или определяют компоненты последовательности, значение которой модифицируется в соответствии с семантикой слов-разъединителей, например: *zuòmèng* «сниться» (делать + сон) → *zuòle yīge bù hǎode mèng* «приснился дурной сон».

Намечаются три степени формальной близости исходного комплекса к словосочетанию.

Минимальная формальная близость (1/3) – первый компонент исходного комплекса допускает грамматическое оформление, например: *chūmíng* «прославиться» (появляться + имя) → *chūle míng* «прославился». Аналогично ведут себя последовательности *bìyuè* «окончить» (учебное заведение), *fānliǎn* «передернуться», *dàoqiàn* «извиниться», *mǎnyù* «испытывать удовлетворение».

Средняя формальная близость (2/3) – второй компонент исходного комплекса допускает определение по образцу: *fāfēng* «сойти с ума» (возникать + сумасшествие) → *fā shénme fēng?* «на чем свихнуться?».

Аналогично ведут себя последовательности *gōngxǐ* «поздравить», *hàirà* «бояться».

Максимальная формальная близость (1) – возможность оформления первого компонента наряду с определением второго, например: *zuòmèng* «сниться» (делать + сон) → *zuòle yīge bùhǎode mèng* «приснился дурной сон». Аналогичными свойствами обладают последовательности *jiēwěn* «целоваться», *fǎnshēn* «повернуться», *jiùmiǎng* «спасать», *bāngmáng* «помогать», *lǐngqíng* «испытывать благодарность», *kāihuì* «проводить собрание», *chīfàn* «обедать», *guāfēng* «дуть» (о ветре), *xiàoyǔ* «идти» (о дожде).

Имея в виду только возможность разъединения компонентов исходной конструкции безотносительно к положению дел впереди первой и позади второй ее части, ср. однако [Люй Шу-сян 1959: 17], максимальную формальную близость к словосочетанию следует констатировать и в рассматривавшихся выше примерах типа yángmáo «овечья шерсть» в связи с возможностью построений nàzhī yángde hěn piàoliangde máo «красивая шерсть той овцы».

Рассмотрим подробно комплексы типа zuòmèng «сниться», всегда доставлявшие особенно много хлопот исследователям. Для данных комплексов характерно следующее:

во-первых, они способны к образованию конструкций, однотипных со свободными словосочетаниями; ср. qù Běijīng «поехать в Пекин» → qùle liǎngcì Běijīng «съездил два раза в Пекин»; gǔzhǎng «аплодировать» (хлопать + ладонь) → gǔle liǎngcì zhǎng «хлопнул два раза в ладоши»;

во-вторых, разъединение допускают некоторые комплексы, один или оба компонента которых являются связанными морфемами, в связи с чем словесный статус комплекса не подлежит сомнению: dézhì «достичь цели» → dé shénme zhì? «достичь какой цели?», chāyán «вмешаться в разговор» → chā yījù yán «вставить одно словечко», fúwù «служить» → fú yīcǐ wù «побыть разок на службе» [Семенас 1992: 202];

в-третьих, существуют комплексы, допускающие расположение служебных и знаменательных слов не только «внутри», но и «снаружи» комплекса, например: chūchāi «поехать в командировку» → chūle bànge yuè chāi «съездил на полмесяца в командировку» / chūchāile bànge yuè «съездил в командировку на полмесяца». Аналогично ведут себя комплексы dānxīn «беспокоиться», dǎoluàn «безобразничать», dàoqiàn «извиняться», hàixiū «смущаться», fāchóu «тосковать», примеры из [DYC 1987: 256].

В поисках ответа на вопрос о соотношении исходных и результирующих конструкций были представлены почти все возможные в рамках дихотомии «слово / словосочетание» варианты:

- слово / словосочетание [Rào Chágróng 1984: 416];
- словосочетание / словосочетание [Lǐ Mìyún 1981: 360];
- слово / слово [Семенас 1992: 202].

Кажется, только вариант «словосочетание / слово» никем не был предложен. Каждое из перечисленных суждений имеет какое-то право на существование, кроме, пожалуй, приписывания словесного статуса результирующей конструкции. Помимо рассмотренных выше, возможны и более сложные варианты результирующих конструкций, например, наличие дополнения при первом компоненте, инверсия второго компонента: bāngmáng «помогать» (помогать + быть занятым) → bang le wǒ zhème dàde máng «оказал мне такую большую помощь», shengqì «рассердиться» (возникнуть + гнев) → méi shá qì kě shēng «нет никакого гнева, который мог бы возникнуть».

Поскольку ни одно из суждений о соотношении исходных и результирующих конструкций в рассматриваемом нами материале не сделалось общепризнанным, напрашивается вывод, что решение вопроса в рамках жесткой дихотомии «слово / словосочетание» затруднительно, и дальнейшее жонглирование этими терминами бесперспективно. К настоящему времени проблема осознана в китаистике как преимущественно терминологическая, однако общепризнанное терминологическое решение пока еще отсутствует. Термин «слово – словосочетание» [Готлиб 1995: 32], хорошо отражающий двойственный характер реалии, едва ли может рассчитывать на успех в силу своей громоздкости. Несколько лучше звучат «лексический комплекс» и «композит – комплекс» [Рукодельникова 1995: 108]. Мы будем пользоваться опробованным в преподавательской практике термином «разрывной комплекс», который выделяет существенную формальную особенность реалии вне нежелательных в данном случае ассоциаций со словом и словосочетанием.

Прототипический подход и тесно связанная с ним система скалярных оценок действительны применительно к слову так же, как и применительно к другим языковым явлениям, ибо «признак словесной самостоятельности так же градуален, как и многое иное в языке» [Павлов 1985: 135]. Практически это означает, что в качестве центрального

принимается некоторый стопроцентный образец, обладающий всей полнотой соответствующих признаков, а единицы «сомнительные», обнаруживающие ту или иную недостаточность прототипических признаков, также получают количественную оценку.

С учетом рассмотренных выше формально-семантических приемов мы приходим к следующему прототипическому определению слова:

Слово – это последовательность, которая требует фиксации в словаре, а также не допускает ни изотипной замены составляющих, ни развертывания в словосочетание, ни разъединения компонентов.

Наличие этих четырех, одного положительного и трех отрицательных, признаков означает стопроцентный словесный статус последовательности. Отсутствие одного из них понижает этот статус на 25%. Однако положительный признак по всем критериям, кроме изотипной замены, также градуален – от минимального (1/3) до максимального (1) и подробная лексикологическая информация должна была бы не только констатировать ущербный словесный статус последовательности, но и объяснять, за счет каких факторов он возник, поэтому в тех случаях, когда положительный признак имеет количественное выражение, вместо знака «+» мы будем приводить соответствующее число.

Прототипический идеал

словарность	изотипная замена	развертывание	разъединение
1	–	–	–

Примеры различной степени реализации идеала

yánjiù	«изучать»	100% [1 – – –]
xuésheng	«студент»	100% [1 – – –]
róngyì	«легкий»	100% [1 – – –]
niǎoqiāng	«дробовик»	75% [2/3 – 1 –]
hǎokàn	«красивый»	75% [2/3 + – –]
xiàuyǔ	«идет дождь»	75% [2/3 – – 1]
chīfàn	«есть»	50% [2/3 + – 1]
niànsù	«учиться»	50% [2/3 + – 1]
shàngkè	«заниматься»	50% [2/3 + – 1]
jīdàn	«куриное яйцо»	25% [1/3 + 2/3 1]
yángmáo	«овечья шерсть»	25% [1/3 + 2/3 1]

В вербальном выражении характеристика словесного статуса могла бы выглядеть, к примеру, так: последовательность chīfàn «есть» (есть + пища) является словом лишь на 50%, т.к., требуя фиксации в словаре, допускает изотипную замену и, не обладая семантической соотносительностью¹ со словосочетанием, в полной мере обладает формальной; последовательность jīdàn «куриное яйцо» является словом на 25%, ибо единственным основанием для придания ей словесного статуса служит ее узуальное наличие в некоторых словарях.

Применительно к китайскому языку, демонстрирующему плавный переход от слова к словосочетанию, лишь к полярным, прототипическим случаям, применимо суждение: «Слово в языке представляет собой функциональное единство, которое коренным образом отличается от словосочетания» [Якобсон 1985: 137].

¹ Речь идет не о синтаксической семантике, которая в данном случае вполне прозрачна, но о семантической соотносительности, составляющей субстрат процедуры развертывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1982 – *В.М. Алпатов*. О двух подходах к выделению основных единиц языка // ВЯ. 1982. № 6.
- Готлиб 1995 – *О.М. Готлиб*. О природе и видах синкретизма в современном китайском языке // Актуальные проблемы китайского языкознания. М., 1995.
- Люй Шу-сян 1959 – *Люй Шу-сян*. Вопрос о слове в китайском языке // ВЯ. 1959. № 5.
- Норман 1994 – *Б.Ю. Норман*. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
- Павлов 1985 – *В.М. Павлов*. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
- Рукодельникова 1995 – *М.Б. Рукодельникова*. К проблеме изучения лексических комплексов в современном китайском языке (подтип глагольных комплексов) // Актуальные проблемы китайского языкознания. М., 1995.
- Семенас 1992 – *А.Л. Семенас*. Лексикология современного китайского языка. М., 1992.
- Сепир 1993 – *Э. Сепир*. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Фейнберг 1995 – *Е.Л. Фейнберг*. Эволюция методологии в XX в. // ВФ. 1995. № 7.
- Шутова 1994 – *Е.И. Шутова*. Проблема выделения слова в китаеведении // ВЯ. 1994. № 4.
- Якобсон 1985 – *Р. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
- Яхонтов 1963 – *С.Е. Яхонтов*. О значении термина «слово» // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.
- Яхонтов 1982 – *С.Е. Яхонтов*. Метод исследования и определение исходных понятий // Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.
- DYC 1987 – *Dòngcí yòngfǎ cídiǎn*. Shànghǎi, 1987.
- Féng Shènglì 2001 – *Féng Shènglì*. Cóng yùnlǚ kàn hànyǔ «cí» «yǔ» fēnliúzhī dàjiè // Zhōngguó yǔwén. 2001. № 1.
- Guō Liángfú 1988 – *Guō Liángfú*. Yǔsù hé cí yǔ cí hé duǎnyǔ // Zhōngguó yǔwén. 1988. № 6.
- Hú Fù, Wén Liàn 1954 – *Hú Fù, Wén Liàn*. Cíde fānwèi, xíngtài, gōngnéng // Zhōngguó yǔwén. 1954. № 26.
- Jì Mìyún 1981 – *Jì Mìyún*. Yǔfǎ xuéshù bàogào huì // Zhōngguó yǔwén. 1981. № 5.
- Li, Thompson 1989 – *C.N. Li, S.A. Thompson*. Mandarin Chinese. A functional grammar. University of California Press, 1989.
- Lù Jiǎnmíng 1988 – *Lù Jiǎnmíng*. Míngcíxìng «láixìn» shì cí háishì cízǔ // Zhōngguó yǔwén. 1988. № 5.
- Rào Chángróng 1984 – *Rào Chángróng*. Dòngcízǔ hé dài binyǔ // Zhōngguó yǔwén. 1984. № 6.
- Wáng Lì 1955 – *Wáng Lì*. Zhōngguó yǔfǎ lǐlùn. Běijīng, 1955.
- Wáng Zōngyán 1981 – *Wáng Zōngyán*. Guānyú yǔsù, cí hé duǎnyǔ // Zhōngguó yǔwén. 1981. № 5.
- Zhèng Línxī 1959 – *Zhèng Línxī*. Shì lùn chéngcíde kèguān fǎ // Zhōngguó yǔwén. 1959. № 9.
- Zhōu Yǒuguang 1959 – *Zhōu Yǒuguang*. Fēn cí liánxiěfǎ wèntí // Zhōngguó yǔwén. 1959. № 7.